

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КАРАКИН

старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3684-0971; karakin.86@mail.ru

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0505-4767; tvpashkova05@mail.ru

СИНАНТРОПНЫЕ НАСЕКОМЫЕ В КАРЕЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

А н н о т а ц и я . В статье авторы обращаются к рассмотрению традиционных представлений карелов об облигатных синантропных насекомых. Образ жизни этих насекомых непосредственно связан с человеком и его жилищем, где они находят для себя благоприятный микроклимат, убежище и пропитание. Расцвет синантропных групп насекомых связан с появлением человека и его жизнедеятельностью. Это нашло отражение в языке, фольклоре и верованиях карельского народа. Со временем у народа сформировался зооморфный культурный код, отражающий представления об этих насекомых и отношение к ним. Актуальность и новизна данной работы определены тем, что ранее на карельском материале эта проблема была вне поля зрения ученых. При проведении исследования авторами использовался комплексный подход (этнолингвистический, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический методы исследования), позволяющий на основе лингвистического, фольклорного и этнографического материала получить целостное представление о насекомых-паразитах в мировоззрении карелов. Теоретико-методологической базой послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области этнографии, лингвистики, фольклора. Из лингвистических источников применялись диалектные словари карельского языка, образцы карельской речи, что дает полное представление об использовании той или иной лексемы в карельском языке. В качестве источников базы послужили этнографические, лингвистические, фольклорные работы отечественных и зарубежных исследователей, а также электронная версия многотомного издания «Древние руны финского народа». Кроме того, к исследованию привлекались полевые материалы авторов, собранные в Калевальском районе Карелии. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что в карельской народной традиции синантропные насекомые считались нечистыми представителями мира фауны и были наделены отрицательной коннотацией.

К л ю ч е в ы е с л о в а : домашние насекомые, верования, народная традиция, карелы, мифология

Д л я ц и т и р о в а н и я : Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Синантропные насекомые в карельской народной традиции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 64–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.694

ВВЕДЕНИЕ

Для обозначения облигатных синантропных насекомых в отечественной науке применяются термины «домашние насекомые» и «домашние насекомые-паразиты» [3: 416], [10: 40]. Домашние насекомые-паразиты были неотъемлемой частью жилища человека. С ними связано большое количество верований, поверий, обрядов как у карелов, так и у других прибалтийско-финских народов [1], [2], [14], [16], а также русских [3],

[10]. Насекомые зачастую фигурируют в этиологических рассказах и сказках, в некоторых повествуется об их происхождении. Так, например, в карельских сказках можно встретить сюжеты, объясняющие происхождение домашних насекомых-паразитов. В одной из сказок повествуется о том, что они появляются из пальцев Сюоятар (кар. Šyöjätär), которую сожгли в смоляной яме за причиненные людям козни и зло. Пальцы Сюоятар были оставлены над землей, и из них

появились упомянутые насекомые [5: 164]. Согласно другому сюжету, за проделки Сюоятар сжигают в бане, она начинает рвать на себе волосы, отрезает свой указательный палец, выбрасывает его, таким образом насылая на землю различные хтонические существа (змей, лягушек, ящериц, комаров и др.) в качестве проклятия¹. В таких перевоплощениях Сюоятар в паразитов прослеживается связь с древними представлениями о переселении душ покойников².

* * *

Для обозначения домашних насекомых-паразитов в карельском языке используются термины *eläjä* ‘жилец’, *elukka* ‘животное’, *elätti* ‘иждивенец, нахлебник, прикормыш, животное’, *šyöjä* ‘кусающий’, *šüpäläini* ‘паразит’. Использование эвфемизмов здесь не случайно. Еще первобытные люди верили в то, что, упоминая животного его настоящим именем, они тем самым зовут его к себе [15: 78]. Так, согласно поверью, с упоминанием клопа его прямым именем, их в доме прибудет, и кусать они будут пуще прежнего: *Lutikan nimen ku sanot, siit häi liženöö pert tih da enämmäl peäl tuloo* ‘Назовешь клопа настоящим именем, и увеличится их количество в избе, и будут они кусать пуще прежнего’³. Называли клопов еще и *ruskiit elävät* ‘красные жильцы’, считалось, что они озлобятся, если назвать их настоящим именем [13: 90].

Эвфемизмы, используемые для обозначения конкретных домашних насекомых-паразитов, можно разделить по принципу номинации на следующие группы:

1) форма насекомого: *levieperze* ‘клоп’ (букв. ‘широкозадый’)⁴, *pyöröiperze* ‘клоп’ (букв. ‘круглозадый’)⁵;

2) цвет насекомого: *ruskieniekka* ‘клоп’ (букв. ‘красный’)⁶, *ruskiit elävät* ‘клопы’ (букв. ‘красные жильцы’) [13: 90], *ruskiekauhtana* ‘клоп’ (букв. ‘в красном кафтане’)⁷, *vaski* ‘тараканы’ (букв. ‘медь’)⁸;

3) место обитания насекомого: *lahkonvedäjä* ‘клоп’ (букв. ‘доску тянувший’)⁹, *plankunvedäjä* ‘клоп’ (букв. ‘доску тянувший’)¹⁰, *perfälävy* ‘таракан, клоп’ (букв. ‘жилец избы’)¹¹, *kravattelävy* ‘блоха, клоп’ (букв. ‘живущий в кровати’)¹²;

4) происхождение насекомого: *Šakšan kostinčča* ‘таракан’ (букв. ‘немецкий гостинец’)¹³;

5) способ передвижения насекомого: *hyppiäjä* ‘блоха’ (букв. ‘прыгающая’)¹⁴.

Карелы считали, что, если насекомые-паразиты появятся в доме, то они принесут с собой различные несчастья, включая болезни, а также дискомфорт. В связи с этим у человека сформировалось негативное отношение к ним,

нашедшее отражение как в языке, так и в культуре. Обратимся к конкретным примерам.

Блоха (кар. *kirppi*, *tirpu*, *condžoi*) является переносчиком опасных инфекций, больно кусает и может перейти к человеку от собак и крыс. В карельской культуре сформировалось представление о блохе как о мелком и прыгучем насекомом. Отсюда и выражения *kirppuni* ‘крошка, чуть-чуть’ (букв. ‘блошинка’), *kirpunnlykijä* ‘скряга’ (букв. ‘с блохи шкуру снимающий’)¹⁵, *kirpulta koiven nylki ta vielä nahkan töi* ‘жадный, ненасытный’ (букв. ‘у блохи с ноги снял шкуру да еще и продал’)¹⁶, *šiinä tarkka tarvitah kušša kirppi riúnítah* ‘там точность нужна, где блоху взвешивают’¹⁷. Образное выражение эвфемизм *hyppiäjä* ‘прыгающий, скачущий’ используется для обозначения блохи¹⁸ (ср. о человеке: *hyppäy kui kirppi* ‘скачет, как блоха’)¹⁹.

Клоп постельный (кар. *lutikka*, *lut’i*) способен переносить длительное голодание при низкой температуре. Это облигатное синантропное кровососущее насекомое, ведущее ночной образ жизни и прячущееся в щелях стен, в пазах мебели, одежде и постели. Карелы страдали от них не только в избах – местах постоянного проживания, но и в лесных промысловых избушках²⁰.

Таракан (кар. *torokana*, *torokkana*, *tarakana*, *torokkan*, *russakka*, *ruššakka*, *rušakka*, *prussakka*, *prusakka*, *prusakku*, *brussakka*, *brusakku*) относится к синантропам и обитает в жилищах и хозяйственных постройках человека. Тараканы теплолюбивые и не кусают человека, но представляют для него серьезную опасность как переносчики болезнетворных организмов. В карельской культуре таракан ассоциируется с нечистоплотностью *kävelöy torokkan revuz* ‘ходит таракан в грязи’²¹ и теплолюбивостью *kylmyä kuin russakka* ‘мерзнуть, как таракан’²². Образное выражение *Šakšan kostinčča* ‘таракан’ (букв. ‘немецкий гостинец’, ‘гостинец из Германии’)²³ указывает на страну, откуда, вероятно, по мнению карелов, были завезены тараканы. О большом количестве тараканов в избе говорили, что *seinäd on vaskel* ‘тараканов полно’ (букв. ‘стены покрыты медью’, ‘медного цвета’)²⁴. Также тараканы использовались девушками при гадании на суженого: таракан должен был указать, где суженый живет [4: 112].

Для избавления от домашних насекомых-паразитов карелы использовали как рациональные, так и иррациональные способы, зачастую сопровождаемые целыми ритуалами. Наиболее благоприятным временем для изведения домашних паразитов считались святки, как летние между Петровым и Ивановым днем, так и зимние между Рождеством и Крещением. Ри-

туалы избавления старались проводить на убывающей луне. Обусловлено это явным пережитком культа луны. Все, от чего человек хотел избавиться, он делал на убывающей луне. Убывание, или смерть, обозначает и смерть насекомых. Во время ритуального изгнания действовали определенные запреты, нельзя было смеяться, в противном случае паразиты вернутся обратно²⁵.

Обратимся к рациональным методам избавления от паразитов. Для изгнания из жилища тараканов чаще всего карелами использовался способ вымораживания, так как эти насекомые являются теплолюбивыми. Поэтому в сильные морозы люди уходили к соседям или знакомым «на тараканы»: (кар.) *lähtie russakoilla, torokkanoilla* ‘уйти на тараканы’; *olla russakoilla* ‘тараканить’. Перед уходом хозяева открывали выушки, двери, чтобы полностью выморозить дом²⁶. Тараканов старались травить на убывающей луне, считая, что в этот период они мрут лучше. Клопы же не боятся холода, поэтому их выводили горячим кипятком, щелоком или выкуривали дымом бодяки²⁷ или серы²⁸. Также развещивали ежеголовник или рдест по стенам, а по углам избы раскладывали кукушкин лен, папоротник²⁹, багульник болотный³⁰, погремок узколистный [2: 190]. Ежеголовник приносили в дом трижды по пятницам на убывающей луне и втыкали в щели стен, приговаривая: *Kuin tämä heinä kuivau, tuga eläväät kuivakkah; kuin on tämä kii kulunut, tuga eläväät kulukkah* ‘Как эта трава сохнет, так пусть и насекомые усохнут, как этот месяц убывает, так пусть и насекомые убудут’³¹. Багульник болотный приносили в избу в пятницу на убывающей луне для выведения клопов³². Карелы верили, что лесной клоп, намеренно принесенный в дом, изгонит домашних клопов [13: 90]. Вероятно, здесь прослеживается способ «подобное изгоняется подобным», используемый во многих обрядах карелов. Проверенным способом считали мытье избы водой, в которой стирали менструальное белье. Тщательным образом этой водой мылись щели в стенах и кровати от клопов [13: 90].

Ритуальные действия против домашних насекомых-паразитов начинались еще при строительстве дома. О том, чтобы в доме не водились паразиты, карелы заботились еще при заготовке леса для постройки дома. Когда валили первое дерево для строительства избы, приговаривали: «Красненькие (клопы), здесь оставайтесь в глухи, не ходите следом, здесь у вас еда в лесу, мясо без костей, рыба без голов». Также на этапе возведения жилища из первого бревна брали первую щепку и раскалывали ее на мелкие щепочки, из которых на пне первого срубленного дерева складывали подобие жилища и про-

износили: *Tässä elošija kaikilla sýöpäläisillä* ‘Здесь жилище для всех паразитов’³³. Если же это по какой-либо причине не было сделано сразу, то при появлении тараканов в доме этот обряд можно было совершить и позднее на пне первого срубленного дерева³⁴. В этом случае тараканы не заводились, даже если их намеренно пытались подбросить в дом. Печь имела множество разнообразных функций и фигурировала в различных обрядах (похоронно-поминальные, свадебные, лечебные и др., см. об этом подробнее [7], [8]). Не стали исключением и проводимые ритуалы избавления от домашних насекомых-паразитов. Так, например, чтобы в избе не заводились паразиты, надо было положить под возводимую печь прибитый к берегу валек (вешку) [6: 74]. Считалось, что клопы и тараканы не заведутся в новом доме, если взять с камня в пороге замшевой слизи (кар. *sämmal-limua*) и положить ее на то место, где будут возводить печь, приговаривая: *Jott'ei tähä sijat sikkies'. Eikä kasvais' elukat* ‘Чтобы здесь свиньи не заводились. И скотина не росла’³⁵. В данном случае домашние насекомые выступали в образе домашних животных. Также на место будущей печи клади змеиную шкуру, этот способ был эффективен от появления в доме клопов. Как вариант от клопов и тараканов – при кладке печи замуровывали бутылку со змеиной шкурой или ящерицу [11: 91], [12: 278]. На построенную печь тайно бросали трех землероек, чтобы клопы исчезли из дома³⁶. Проводились ритуалы изгнания и на Иванов день: собирали клопов и гольшом выносили их на улицу через окно, а тараканов сметали ольховым веником в подпол [11: 102].

Распространенным иррациональным способом избавления от различных неприятностей, недугов, болезней и др. являлась имитация их похорон. Этот ритуал, как форма выведения клопов, был известен как русским юго-западной и юго-восточной полосы России, так и карелам [10: 42]. В ночь на Иванов день на щепку складывали около десяти штук клопов, относили на кладбище к неподвижному камню и прикрывали мхом. Из избы до крыльца делали мостки из луцины, по этим мосткам клопы должны были покинуть избу. Изгоняющий приговаривал в стенную щель: «Не здесь ваше жилище. Вам надо убираться отсюда прочь, туда, где были благословлены, туда и возвращайтесь». Весь этот обряд проводился втайне от остальных членов семьи [13: 90].

К иррациональным способам избавления от домашних насекомых-паразитов относится пускание / отправление их по воде. Стоит отметить, что такой ритуал использовался и в народной медицине – пускание болезни по воде (например,

отправляли по течению в деревянной лодочке). Ребольские карелы (д. Реболы) для избавления от *kirot* ‘проклятие’ клали на камень водопада грязную рубаху женщины-роженицы, а лучше содержанки или сожительницы. На эту рубаху укладывали больного и хлестали его веником, сделанным из веток девяти разных деревьев, обдавали водой из водопада и произносили заговор. Если больному было так плохо, что он не мог попасть к водопаду, то брали оттуда камень и проводили лечебный ритуал дома, после чего возвращали камень на место. Воду, которой обмыли больного, выливали в заранее сделанную ольховую лодочку и отправляли по течению реки на север, приговаривая: *pohjolan kirkäteen ja turjan koskeen kovaan* ‘на большую гору болей и в водопад могучей Турьи’³⁷. В Калевальском районе (д. Толлорека) насекомых провожали завернутыми в красную тряпку в специально сделанной маленькой лодочке с белым парусом и веслами. Вслед им причитали с полной серьезностью, словесно переживая из-за разлуки. В д. Тухкала Лоухского района сообщили, что надо было собрать и отправить 40 насекомых [9: 41]. Это своеобразные ритуалы отправления насекомых на тот свет, их надо было совершать с абсолютной серьезностью. Подобные обряды проводились карелами с целью изгнания из избы клопов. Вытесывали из полена 3 x 9 щепок и на последнюю щепочку собирали 3 x 9 клопов, затем их убивали. С этой щепкой выходили на середину ближайшего озера и, опуская ее на воду, плача, приговаривали: «Жалко и печально, но ничего не поделаешь, придется расстаться»³⁸. Другой способ: из ольхи делали гробик, как настоящий, складывали в него 3 x 9 клопов и клали в старую лодку. После этого отправляли лодку по течению и произносили: «Отправляйся в земли чужие, Приди к дверям незнакомым / странным, к порогам деревенским!». Затем дождевой водой после грозы мыли помещение³⁹.

Заговоры произносились и при проведении других ритуалов изгнания клопов. Заготовленным в летние святки веником подметали пол, приговаривая *Pois tästä pienet elävät, Vihasena vierijät, Kummaseen kulkijat, Painuat piätä penkin*

alla, Alkuat nurkissa nuhata! ‘Вон отсюда, живность мелкая, Злюки ползающие / катящиеся, Передвигающиеся странно, Суньте голову под лавку, по углам раскорошитесь!’. После этого делили веник на четыре части и расставляли по углам, приговаривая: *Vanhat vierahat pois, Uuvet sijah!* ‘Вон, старые жильцы / гости, Новые взамен / во-внутрь!’. Во время проведения ритуала двери нужно было держать открытыми⁴⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, с домашними насекомыми-паразитами у карелов было связано большое количество верований, поверий, обрядов. Насекомые фигурируют в этиологических рассказах и сказках, повествующих в числе прочего и о происхождении представителей данного вида. Для обозначения домашних насекомых-паразитов в карельском языке используются эвфемизмы (например, *elätti* ‘иждивенец, нахлебник, прикормыш, животное’, *šyöjä* ‘кусающий’, *šyöpäläini* ‘паразит’ и др.), что связано с боязнью человека зазывать их к себе в жилье, назвав настоящим именем. Карелы верили, что, появившись в доме, насекомые-паразиты принесут с собой различные несчастья, включая болезни. В связи с этим сформировалось негативное отношение к ним. В карельской народной традиции самыми частыми «персонажами» среди домашних насекомых-паразитов являются тараканы, блохи, клопы. При появлении этих насекомых в жилище карелы сразу пытались от них избавиться, используя как рациональные (вымораживание, выкуривание, развесивание специальных трав, мытье избы и др.), так и иррациональные способы (имитирование строительства жилья для насекомых, подкладывание под возводимую печь шкурки змеи или замшелой слизи с произнесением заговоров, имитация ритуала изгнания, пускание насекомых по воде в маленькой лодочке и др.), зачастую сопровождаемые целыми ритуалами. В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что в карельской народной традиции тараканы, блохи и клопы считались нечистыми представителями мира фауны и были наделены отрицательной коннотацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Virtaranta P. Kultarengas korvaan: Vienalaisia satuja ja legendojaa. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1971. S. 169.
- 2 Карельские народные сказки / Изд. подгот. У. С. Конкка. М.; Л.: Изд-во АН ССР, 1963. С. 22.
- 3 Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricæ, III, 1983. S. 500.
- 4 Karjalan kielen sanakirja... III, 1983. S. 74.
- 5 Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricæ, IV, 1993. S. 572.
- 6 Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricæ, V, 1997. S. 197.
- 7 Karjalan kielen sanakirja... V, 1997. S. 196.
- 8 Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricæ, VI, 1997. S. 512.

- ⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, III, 1983. S. 2.
- ¹⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, IV, 1993. S. 330.
- ¹¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, I, 1968. S. 112.
- ¹² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, I, 1968. S. 112.
- ¹³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, IV, 1993. S. 466.
- ¹⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, I, 1968. S. 359.
- ¹⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, II, 1974. S. 217.
- ¹⁶ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000. С. 80.
- ¹⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, IV, 1993. S. 505.
- ¹⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, I, 1968. S. 359.
- ¹⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, I, 1968. S. 361.
- ²⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, IV, 1993. S. 33.
- ²¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, VI, 1997. S. 154.
- ²² Полевой материал авторов.
- ²³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, IV, 1993. S. 466.
- ²⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, VI, 1997. S. 512.
- ²⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, III, 1983. S. 448, 450.
- ²⁶ Полевой материал авторов.
- ²⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, IV, 1993. S. 8.
- ²⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, VI, 1997. S. 383.
- ²⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, III, 1983. S. 283.
- ³⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, V, 1997. S. 556.
- ³¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, III, 1983. S. 462.
- ³² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, V, 1997. S. 556.
- ³³ Suomen Kansan Vanhat Runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/> (дата обращения 24.03.2021).
- ³⁴ Perttu P. Väinämöisen venehen jälki. Petroskoi: Karjala, 1978. S. 127.
- ³⁵ Suomen Kansan Vanhat Runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/> (дата обращения 24.03.2021).
- ³⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricae, VI, 1997. S. 242.
- ³⁷ Suomen kansan vanhat runot. Osa II. Helsinki, 1927. S. 533.
- ³⁸ Suomen Kansan Vanhat Runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/> (дата обращения 24.03.2021).
- ³⁹ Suomen Kansan Vanhat Runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/> (дата обращения 24.03.2021).
- ⁴⁰ Suomen Kansan Vanhat Runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/> (дата обращения 24.03.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 448 с.
2. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
3. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.
4. Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. П. Конкка. Л.: Наука, 1980. 216 с.
5. Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 557 с.
6. Ихаха И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика; Кухмо: Юминеко, 2019. 461 с.
7. Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Роль печи в похоронно-поминальной обрядности и народной медицине карел // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 2. С. 176–183. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.02.176-183
8. Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Функция печи в родильной обрядности и лечении детских заболеваний у карелов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 6. С. 110–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.523
9. Конкка А. П. Viändöi – время летнего «поворота» в календарной обрядности карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КарнЦ РАН, 1992. С. 28–45.
10. Криштапова Ю. А. Домашние насекомые-паразиты в языке и фольклоре // Живая старина. 2005. Вып. 4. С. 40–43.
11. Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX века / Изд. подгот. Р. Ф. Никольская, А. П. Косменко. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. 260 с.
12. Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск: Периодика, 2000. 384 с.
13. Kalkinen A. Tälleh siel elettih. Joensuu: Pohjois-Karjalan Kirjapaino Oy, 1987. 101 s.
14. Kansanomainen lääkintätietos / Toim. Hako M. Helsinki: SKS, 1957. 255 s.
15. Nirvi R. E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmioitit itämerensuomalaisissa kielissä: riista ja kotieläintalous. Helsinki: SKS, 1944. 343 s.

16. Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1975. 776 s.

Поступила в редакцию 09.02.2021; принята к публикации 03.09.2021

Original article

Yevgeniy V. Karakin, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-3684-0971; karakin.86@mail.ru

Tatyana V. Pashkova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-0505-4767; tvashkova05@mail.ru

SYNANTHROPIC INSECTS IN KARELIAN FOLK TRADITION

Abstract. The article addresses the traditional views of the Karelians on obligate synanthropic insects, which are denoted in domestic research as “domestic insects” or “domestic parasitic insects”. The way of life of these insects is directly connected with people and their home, where insects find a favorable microclimate, shelter and food. The peak of development of the synanthropic groups of insects is associated with the appearance of humans and their vital activities. This is reflected in the language, folklore and beliefs of the Karelian people. Over time, the people formed a zoomorphic cultural code that reflected the ideas about these insects and people's attitude to them. The relevance of the study is determined by the fact that earlier researchers have not used Karelian material for investigating this problem. The authors used the comprehensive approach, combining the ethnolinguistic, contrastive comparative and comparative historical research methods, which enabled them to obtain a holistic view of domestic parasitic insects in the Karelian worldview on the basis of linguistic, folklore and ethnographic materials. The theoretical and methodological basis comprises the works of domestic and foreign ethnographers, linguists and folklorists. Using such linguistic sources as dialect dictionaries of the Karelian language and samples of Karelian speech gives a complete picture of the use of a particular lexeme in the Karelian language. Ethnographic, linguistic, and folklore works of domestic and foreign researchers, as well as the electronic version of the multi-volume edition *Ancient Runes of the Finnish People* served as the source base. The study also involved the authors' field materials collected in the Kalevalsky district of Karelia. The authors came to the conclusion that in the Karelian folk tradition cockroaches, fleas and bedbugs were considered unclean representatives of the world of fauna and were endowed with a negative connotation.

Keywords: domestic insects, beliefs, folk tradition, Karelians, mythology

For citation: Karakin, Ye. V., Pashkova, T. V. Synanthropic insects in Karelian folk tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):64–69. DOI: [10.15393/uchz.art.2021.694](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.694)

REFERENCES

1. Vinokurova, I. Yu. Animals in the traditional worldview of the Veps. Petrozavodsk, 2006. 448 p. (In Russ.)
2. Vinokurova, I. Yu. The Veps mythology: Encyclopedia. Petrozavodsk, 2015. 524 p. (In Russ.)
3. Gura, A. V. Symbols of animals in the Slavic folk tradition. Moscow, 1997. 910 p. (In Russ.)
4. Spiritual culture of the Segozersk Karelians in the late XIX and the early XX centuries. (U. S. Konkka, A. P. Konkka, Eds.). Leningrad, 1980. 216 p. (In Russ.).
5. Ivanova, L. I. Characters of Karelian mythological prose. Research and texts of stories, memorates, beliefs and legends of the Karelians. Moscow, 2012. 557 p. (In Russ.)
6. Inkha, I. K. In the land of Kalevala songs: the path of Lönnrot across the White Sea Karelia, an essay on the land of the White Sea Karelia. Petrozavodsk, Kuhmo, 2019. 461 p. (In Russ.)
7. Karakin, Ye. V., Pashkova, T. V. The role of the furnace in Karelians' funeral and memorial rites and folk medicine. *Finno-Ugric World*. 2020;12(2):176–183. DOI: [10.15507/2076-2577.012.2020.02.176-183](https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.02.176-183) (In Russ.)
8. Karakin, Ye. V., Pashkova, T. V. Function of stove in childbirth rituals and children's diseases treatment practices of the Karelians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(6):110–114. DOI: [10.15393/uchz.art.2020.523](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.523) (In Russ.)
9. Konkka, A. P. Viändöi – the time of the summer “turn” in the calendar rituals of the Karelians. *Rituals and beliefs of the peoples of Karelia*. Petrozavodsk, 1992. P. 28–45. (In Russ.)
10. Kriivoschchopova, Yu. A. Domestic parasitic insects in language and folklore. *Living Antiquity*. 2005;4:40–43. (In Russ.)
11. Material culture, arts and crafts of the Segozersk Karelians in the late XIX and the early XX centuries. (R. F. Nikolskaya, A. P. Kosmenko, Eds.). Leningrad, 1981. 260 p. (In Russ.)
12. Stepanova, A. S. Oral poetry of the Tunguda Karelians. Petrozavodsk, 2000. 384 p. (In Russ.)
13. Kalkkinen, A. Tälleh siel elettih. Joensuu, 1987. 101 s.
14. Kansanomainen lääkintätietos. (Toim. Hako M.). Helsinki, 1957. 255 s.
15. Nirvi, R. E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmioita itämerensuomalaisissa kielissä: riista ja kotieläintalous. Helsinki, 1944. 343 s.
16. Vuorela, T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki, 1975. 776 s.

Received: 9 February, 2021; accepted: 3 September, 2021